

Город

Автор:

Александр Блок

Город

Александр Александрович Блок

Александр Александрович Блок

Сборник «Город» (1904—1908)

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая

Столица в октябре!

Забитая лошадка бурая

Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою

Порхает на ветру,

И елка слабенькой вершинкою

Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —

Прошла моя пора.

Вон — мальчик, посинев от холода,

Дрожит среди двора.
Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.
Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.
А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!
Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?...
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!
Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!
И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!...

Вот вскрикнул... и лечу!
Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.
Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.
Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...
Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,

И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на груди горячих камней

Распростерта не смеющая пасть...

Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей

Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,

Торопливо идущий вперед...

Но и тех, кто безумно обеты дает,

Кто бесстрастные гимны поет,

Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь

На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!

Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —

Наши гимны, и песни, и сны — без числа!...

Золотая игла!

Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —

Хвала!

27 августа 1904

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный

Один, другой и третий год.

Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.
Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.
Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...
Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...
Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:
«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах». —
«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою

Мне быть поэтом и царем!
Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»
Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:
«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

ЛЕГЕНДА

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.
Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:

Ей казалось... казалось, близка заря.
Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала. —
О, как страшно, подруга... быть с тобой».
И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...
Ты слышишь, господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
Остались... Третий, она и ночь.
Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.
Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.
И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,

И заря испугалась. Но рукою Судьбы

Кто-то городу дал непомерный избыток,

И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.

Дымно-сизый старик оперся на костыль —

И кругом стало душно... А в полях однозвучно

Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче

Пыльно-грязной земли раскаленную печь...

Боже правый! Сделай, чтобы твердь стала легче!

Отврати твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки

Появился архангел с убеленной рукой:

Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,

И казалось, что был он — перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.

Под дождем умолкала песня дальних колес...

И толпа грохотала. И гроза хохотала.

Ангел белую девушку в дом свой унес.

15 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.
А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.
Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.
И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.
Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.
И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,

Как будто был намек...

Толпа проснулась. Дико взвизгнул

Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых

Ворвался стон глухой,

И человек упал на плиты

С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня

Убил его в толпе,

И струйка крови, помню ясно,

Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,

И крик еще стоял,

А он уж лег на вечный отдых

У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...

Другие огоньки...

И звонко брякнули у свода

Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,

Как человек лежал,

И как солдат ружье над мертвым

Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.
И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий,
И радость — без конца.
И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.
Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...
А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...
Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!
Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!
Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-blok/gorod>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)